

И. А. КОЧЕТКОВ, Е. В. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Малоизвестные памятники литературы Архангельска XVII в.

XVII век — это время сосуществования и взаимодействия старой традиционной литературной системы и новых явлений и в литературном творчестве, и в восприятии произведений читательской средой. Развитие личностного начала и утверждение права автора на вымысел приводило к появлению новых, собственно литературных, освобожденных от деловых функций жанров. Однако не менее важны и интересны явления, наблюдающиеся в развитии старых, традиционных жанров, которые не только не утрачивают своего значения в XVII в., но, приобретая новые функции, играют все более важную роль в становлении местных литературных школ. Именно в XVII в. появляется множество житийных текстов, особенности которых позволяют, воспользовавшись определением Д. С. Лихачева, назвать их «народными житиями».¹ XVII век является также временем расцвета жанра сказания о местных святынях — монастырях, чудотворных иконах, чудесах от мощей местнотимых святых. Новейшие исследования позволяют говорить о возникновении и развитии местных традиций повествования такого, если так можно выразиться, «краеведческого» характера в Великом Устюге, Сольвычегодске, Муроме, Пскове.² В русле такой местной традиции находятся и малоизвестные произведения XVII в. о святынях Архангельска.

«Чудо Пресвятыя Богородицы Успения» известно нам по двум спискам XVIII в.: в сборнике НБ МГУ № 10536-7-71; 1^о,³ и в сборнике РНБ, собр. Ти-

¹ Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков. М., 1987. С. 212.

² Кириллин В. М. Новые материалы для истории книжно-литературных традиций средневекового Пскова. Сятогорская повесть // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 140—162; Руди Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Там же. С. 207—214; Власов А. Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI—XVII вв. // Там же. С. 215—227.

³ Сборник-конволют кон. XVII—нач. XVIII в., 1^о, 853 л., полуустав нескольких почерков. Филигрань (на л. 368—370, вклеенных в рукопись и содержащих тексты двух чудес от архангельской иконы Успения Богородицы) Герб Амстердама — типа Клепиков. С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Зап. отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 315—352. № 112, 114 (1708—1730 гг.). Переплет — доски в коже. В сборнике много акварельных миниатюр. Сборник найден в 1971 г. в деревне Перевоз Новозыбковского района Брянской области, в районе известных старообрядческих поселений Ветки и Стародуба (см. Поздеева И. В. Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба. 1970—1972 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 59—60). Сборник содержит несколько циклов рассказов о чудесах Богородицы. Чудеса Богородицы в 29 главах, являющиеся полным текстом книги Иоанникия Голятовского «Небо новое», впервые напечатанной во Львове в 1665 г. (л. 1—116 в ркп без заглавия) текст книги «Звезда Пресвятая» (переведена, по свидетельству некоторых списков, с белорусского в 1668 г.) заканчивающийся первым чудом 14-й главы (обычно в этой главе три чуда, а затем

това, № 4192.⁴

Текст повествует об удивительном происшествии, случившемся в Архангельске в 1631 г. Некий Ермола, родом из Ярославля, оказавшись в Архангельске по дороге на богомолье в Соловецкий монастырь, шел однажды вечером мимо стоявшей в слободе Успенской церкви, направляясь к лесу, чтобы наломать там веников и продать их. Однако, «дияволом научен», он вдруг решил иным способом заработать на жизнь — залезть в церковь и присвоить себе церковные ценности. Влезая в узкое алтарное окно, Ермола застрял в нем так, что не мог освободиться. Пришедший ранним утром в церковь священник Ксенофонт, потрясенный увиденным, выслушал вора и попытался помочь ему, но безуспешно. Не смогли освободить несчастного похитителя и присланные архангельским воеводой люди. Только после общего молебна «невидимую силою опростася человекъ той, рекомый тать, сам о себѣ изыде из окна».

Это повествование замечательно тем самым сочетанием традиционных и новых черт, которое так характерно для XVII в. Рассказ относится к жанру чудес, жанру, веками существовавшему в древнерусской литературе и представленному сотнями текстов. Произведения этого жанра всегда отличались особым рода документальностью, точностью и «наглядностью» описаний, бытовыми подробностями. Все эти явления наблюдаются и в рассматриваемом тексте, однако, на наш взгляд, здесь они приобретают особое, хотя, может быть, и не столь явно выраженные, черты.

Уже самое начало рассказа настраивает на повествовательный лад: «Близъ студенаго моря, рекомаго окіяна, окрестъ Архангелова града...». Следующее далее повествование оказывается не только обстоятельным свидетельством о чуде, но и занимательным рассказом. Структура повествования соответствует традиции рассказа о чуде, но здесь автор не просто фиксирует последовательность и детали события, а предлагает читателю свое авторское видение происшедшего. Никто не был свидетелем того, как Ермола пытался проникнуть в церковь. Но рассказ дает читателю зримую картину происходившего: Ермола зашел за стену храма и «обозрѣ же ся сюду и обоуду, мысляше в себѣ, да не узрил бы его инъ кто», положил под куст верхнюю одежду, которую он снял, чтобы ему было удобнее залезать в окно. Такая же изобразительность свойственна и описанию того, как священник Ксенофонт ходит в полусумраке церкви и, испуганный увиденным, успокаивает себя мыслью, что все это ему только мерещится во тьме. Таким образом, автор интерпретировал устные рассказы участников события в системе своего собственного представления о происшедшем, причем рассказ его приобрел тот самый «авторский» оттенок, сюжетность повествования, которые свойственны новым, беллетристическим жанрам. Примечательно и то, как в повествовании передан рассказ самого Ермолы. Злую мысль о краже

прибавляются еще несколько глав, включающих рассказы о чудесах, заимствованные из других сборников), 30 сказаний об иконах Богородицы, преимущественно русских, многие из этих сказаний датированы (наиболее позднюю дату — 1681 г — содержит Чудо от иконы Богородицы Югоской) Таким образом, составитель сборника располагал самыми последними известиями о чудесах, происходивших в разных краях России

⁴ Сборник, 4^о, 279 л., полуустав и скоропись нескольких почерков Филигрань (на листах с текстом «Чуда») Буквы ВФ и СТ — типа Клепиков Филигр и штемп, № 151 (1765—1776 гг.) Переплет — картон, обтянутый зеленой мраморной бумагой, корешок из коричневой кожи Кроме «Чуда» (л 256—259 об.) сборник содержит Жития Прокопия Устюжского, Трифона Печенгского (фрагменты), Прокопия Гродненского, Марии Египетской, муч Адриана и Натальи, Слова из Киево-Печерского патерика, Повесть о посаднике Щиле, Слово Палладия мниха о Страшном суде, несколько слов нравоучительного и уставного характера Записи на л 237 (после Жития Марии Египетской) рукой писца — «Сие Житие писанием окончано иуния в 14 день 1767 года», на свободном листе при переплете рукой А. А. Титова — «Куплена в Ростове 3 мая 1892 г за 8 р»

ему внушает некто «яко человекъ чернь видением», который говорит Ермолу: «Почто тебѣ, человеце, бродити много? <...> Иди в сию церковь, и тамо приобретаеши себѣ богатства». «Нечистая сила», которая предстает во многих рассказах о чудесах в виде бесов, «черных ефиопов» и даже принимает иногда обманчивый облик монаха, здесь получает новое обличье — сам искусьитель вдруг возникает перед Ермолой, являясь как бы персонификацией его злого помысла, и соблазняет человека, ставя его перед извечным выбором. Эта небольшая сцена по характеру изображения и проблематике оказывается созвучна мотивам беллетристической прозы XVII в.

Сюжетная интерпретация всегда была в той или иной степени свойственна жанру чудес. Многие рассказы о чудесах читаются как занимательные повести. Примером может служить «Чудо св. пророка Ильи» — произведение XV в., рассказывающее о чудесном событии, случившемся в Нижнем Новгороде в 1418 г.⁵ Основой повествования является рассказ некоего Григория Оксентьева о том, как он решился искупаться в Волге в день пророка Ильи, поскольку день тот выдался жарким. Переплывая реку, он вдруг почувствовал, что не может двигаться и тонет. Очутившись на дне реки, Григорий увидел самого пророка Илью, который, вняв мольбам грешника, спас его. В тексте можно найти целый ряд сюжетных элементов повествования, множество реальных деталей и бытовых подробностей. Однако рассказ неоднократно прерывается обширными отступлениями, основанными на цитатах из Писания и текстах молитв. Таким образом, динамичное сюжетное начало в этом рассказе XV в. постоянно «пробивается» сквозь ограничивающие рамки этих статичных отступлений, тормозящих действие. В рассматриваемом же произведении XVII в. совсем нет подобных отступлений, осталось только характерное для рассказов о чудесах краткое заключение.

Повествование о случившемся в Архангельске происшествии, несмотря на литературную тенденцию, содержит целый ряд интересных исторически точных деталей. Действие происходит в 1631 г. в Архангельске в церкви Успения Богородицы. Эта деревянная церковь была построена в стороне от гостиных дворов на так называемом «Жабинском наволоке», «на борках» или «на дальнем бору» в 1626 г., т. е. всего за пять лет до описанного случая. Грамота патриарха Филарета на строительство церкви, датированная мартом 1626 г., была дана попу Ксенофонту Козмину.⁶ Таким образом, герой рассказа священник Ксенофонт является строителем этой церкви. Соответствует исторической действительности и сообщение рассказа о том, что воеводой в Архангельске в то время был князь Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский.⁷ Что касается упомянутого в рассказе дьяка Никифора Демидова, то он прибыл в Архангельск только в 1632 г.⁸ Следовательно, в

⁵ Текст издан Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС СПб., 1915 Т. 20, кн. 1 С. 277—284, Бегунов Ю. К. Нижегородская повесть XV века о спасении утопающего // Литература Древней Руси М., 1981 С. 64—68 Ю. К. Бегунов указывает 12 списков текста XV—XIX вв. Добавим к ним еще три списка XVII в. БАН, 16.16.34, РНБ, собр. Погодина, № 861 РНБ, собр. Титова, № 2152

⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии Архангельск, 1894 Вып. 1 Уезды Архангельский и Холмогорский С. 49

⁷ Это соответствует данным, имеющимся в Двинском летописце (см. ПСРЛ Л., 1977 Т. 33 С. 172) Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский — стольник, затем окольничий, служил воеводой во многих походах при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, был воеводой на Двине с февраля 1630 г. по 19 июля 1632 г. (см. Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия СПб., 1902 С. 64, 592)

⁸ Имя Никифора Демидова встречается в связанных с Архангельском документах не ранее 1632 г. (см. РИБ СПб., 1875 Т. 2 № 151 Стб. 518—520) До 17 июня 1632 г. он являлся справным подьячим Устюжской чети, после чего был назначен дьяком в Архангельск (см. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII веков М. 1975 С. 146—147)

тексте рассказа допущена неточность, которая свидетельствует о том, что повествование было составлено спустя некоторое время после самого события. Рассказ был записан в Памятной книге Успенской церкви, в этой книге имелись и копии с грамот, касающихся строительства и истории храма.⁹ Местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно.¹⁰

Несомненно, из той же храмовой книги происходит и рассказ о чуде, случившемся в архангельской Успенской церкви в апреле 1663 г. Текст читается в сборнике НБ МГУ № 10536-7-71; 1°, и известен пока лишь по одному этому списку. То, что рассказ о чуде был записан в храмовую книгу Успенской церкви, следует из первой фразы текста: «В пятокъ великий бысть чюдо преславно в настоящем семъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения».

В небольшом по объему тексте рассказывается, как ночью, когда храм был закрыт, загорелась завеса у царских врат, однако пожара не произошло, поскольку огонь сам собою затух, повредив лишь немного. Вошедшие утром в церковь иерей Димитрий и дьякон Тимофей увидели густой дым и пепел от сгоревшей завесы. Этот случай действительно был чудом на фоне частых пожаров в деревянном городе.¹¹

Рассказ о чудесном предотвращении пожара более традиционен и не имеет столь ярко выраженных сюжетных элементов, как рассказ об ограблении церкви. Однако несомненно, что эти рассказы образуют тематическое единство. Это подтверждается заголовком второго рассказа: в заголовке не указано местонахождение храма, поскольку об этом уже сказано в начале первого рассказа.

По наблюдениям одного из авторов данной статьи, И. А. Кочеткова, рассказы отличаются единством стиля. Сходны не только начальные и заключительные фразы рассказов, что можно объяснить влиянием традиционных формул повествования о чудесах. Сходство распространяется на синтаксические конструкции, лексику, что иногда приводит к совпадению целых фраз. Например, в первом рассказе: «Бывшу же тогда иерею церкви тоя именем Ксенофонту <...> пришед в церковь, по обычаю...»; во втором рассказе: «Бывшу же тогда иерею церкви тоя именем Димитрию <...> Приидоша же они по обычаю к церкви Пресвятыя Богородицы...». Рассказы сближает сам характер повествования, где каждая фраза движет сюжет, почти не оставляя места для риторики и назидательности. В обоих текстах использован один и тот же прием, позволяющий избежать повтора повествования. В обоих случаях этот прием следует после прямой речи. В первом тексте рассказ Ермолы о происшедшем с ним прерывается фразой автора: «И прочая повѣда ему вся, яже выше писанна о немъ». Во втором тексте сходная по содержанию фраза следует после вопроса пономаря Симеона,

⁹ Сибирцев И Исторические сведения из церковно-религиозного быта г Архангельска в XVII и первой половине XVIII века Архангельск, 1894 С 8—9 И Сибирцев цитирует по этой церковной книге отдельные фрагменты текста «Чуда»

¹⁰ На хранение в Государственный архив Архангельской области рукопись не поступала Благодарим за исчерпывающую справку директора архива Л И Рогатых и сотрудников Т А Санакину и Л А Малахову

¹¹ От пожара уже успела пострадать и Успенская церковь Известно, что в 1632 г, через год после чудесного происшествя с ярославцем Ермолкой, Успенская церковь сгорела дотла, но в том же году усилиями священника Ксенофонта была отстроена вновь Новую церковь поставили рядом с пепелищем Место, где был старый престол, патриарх Филарет в своей благословенной грамоте велел «огородить < > и землю осылав покрыть, и крест поставить, чтобы тут никто не ходил и нечистоты никакие не прикасались» (см Сибирцев И Исторические сведения С 8) В 1640 г к Успенской церкви был пристроен придел Симеона Столпника В 1643 г по челобитью Ксенофонта царь Михаил Федорович пожаловал ему на пропитание участок земли вокруг церкви (см Подробное историческое описание Архангельской епархии Б м, б г С 135—140)

вошедшего в церковь вслед за Димитрием и Тимофеем: «„Чесо ради сей дымъ бысть?“». Они же повѣдаша ему все еже от начала сие преславное Божия Матере чудо». Во втором рассказе не менее точно, чем в первом, переданы все детали происшедшего: указано, что от сгоревшей пелены остались гвозди в двери, что на полу лежал пепел, что пришедшие открыли окна и двери, чтобы выпустить дым.

Отмеченное сходство двух рассказов делает, по мнению И. А. Кочеткова, возможным предположение о том, что они принадлежат перу одного автора. Им мог быть Ксенофонт Козмин, выстроивший Успенскую церковь и служивший в ней священником до самой своей смерти, которая последовала 31 марта 1671 г.¹² Ксенофонт был свидетелем обоих событий и, что особенно важно, заинтересованным свидетелем. Вся жизнь Ксенофонта была связана с Успенской церковью, причем помимо обязанностей священника Ксенофонту приходилось заниматься крестьянским трудом, заключать торговые сделки, сочинять хозяйственные бумаги.¹³ Отсюда та наблюдательность, знание народного быта, интерес к подробностям, которые отличают его рассказ. В его речи сочетаются лаконизм и точность делового документа, слова и выражения церковной книжной речи («отверсти» наряду с «открыти»; «похищать», «восхищать чуждая» наряду с «покрасти»; «чресла, сиречь пуп», «богопопущенная казнь» и т. п.) и местные простонародные выражения («тюлянты», «блазнитися»).

Приход Ксенофонта находился на окраине Архангельска, в котором функционировали монастырь с двумя деревянными церквями и четыре приходские церкви. Населения же в Архангельске было немного — город насчитывал 153 двора. Существование храма зависело от числа прихожан.¹⁴ Случай с неудавшимся ограблением, несомненно, привлек в Успенскую церковь многих прихожан, а вместе с тем и пожертвования (это способствовало быстрому восстановлению храма после пожара 1632 г.). Естественно, что настоятель храма сам мог составить рассказ о чудесном событии 1631 г. и занести его в памятную церковную книгу. Рассказ о чуде 1663 г. написан по следам события: в тексте указано, что последствие возгорания «якоже ныне зрится». Автором второго рассказа также мог быть сам Ксенофонт, несмотря на то что в тексте в качестве иерея Успенской церкви назван Димитрий. Среди архангелогородских священников середины XVII в., упоминаемых в письменных источниках, встречается только один с таким именем: вдовый священник Воскресенской церкви Димитрий Козмин. Возможно, он был братом Ксенофонта Козмина и помогал ему служить (к тому времени Ксенофонт уже 37 лет священствовал в Успенской церкви и, следовательно, был в почтенном возрасте).

Так это или иначе, но Ксенофонт должен был иметь отношение к составлению этих рассказов (по крайней мере в качестве заказчика), которые заду-

¹² Краткое историческое описание С 49—55

¹³ Об этом красноречиво свидетельствует челобитная прихожан Успенской церкви царю Петру Алексеевичу «по челобитью попа Ксенофонта пожаловано к храму Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в строение и ему на прокормление дано на оброк пустое и лесное место круг того Успенского храма — Васильевская полянка и Борки, подли Двины берег < > лесные борки по обе стороны от Двины реки на роспашь < > И тот поп Ксенофонт с причетники и по нем будущие священники с причетники < > около того Успенского храма даны — Васильевскою полянкою и борками подле Двины — в вышелесанных межах владели, леса расчищали и чары и болота гамью под пашню и под сennie покосы проча себе и к тому храму на строение наемными людьми гамили и, учиня в пашню хлеб сеяли и сена ставили, и под скот поскотины из найму держали, и от того храм Успения Пресвятыя Богородицы и придел преподобнаго Симеона Столпника строили и церковные потребности по вся годы покупали » (см. Сибирцев И Исторические сведения С 37—38)

¹⁴ Неудивительно что другой священник, Герасим Андреев построивший в Архангельске в 1661 г. деревянную Воздвиженскую церковь, через 10 лет за неимением прихожан вынужден был продать ее вместе с двором и всем имуществом

маны как начало цикла чудес от местной чудотворной иконы. Судьба самой этой иконы неизвестна, не сохранилась до наших дней и Успенская церковь.¹⁵

Если в рассмотренных рассказах, в одном — в большей, в другом — в меньшей степени, наблюдаются элементы литературной интерпретации действительности, то другой памятник архангельского происхождения является текстом предельно документальным и по форме, и по содержанию. Это Сказание о чудесах Евфимия Архангелогородского, мощи которого были обреты в Архангельске в 1647 г.

Текст Сказания исследован и опубликован по рукописи РНБ, собр. Погодина, № 810.¹⁶ Поэтому здесь мы ограничимся лишь краткой характеристикой особенностей этого памятника.

Обнаруженные списки Сказания свидетельствуют о двух редакциях произведения. Самый ранний список Первой редакции — Погодинский — датируется 70-ми гг. XVII в. Текст в этом списке имеет следующее заглавие: «Сказание о явлении и чудесъх преподобнаго, иже во Архангельском градѣ обрѣтенъ мощи его во 155-м (1647) годѣ, егоже по обрѣтении положиша в томъ же градѣ у церкви Произъхождения честнаго и животворящаго креста Господня, имя же его Богъ въсть». Другой список находится в рукописи первой половины XIX в. БАН, Архангельское собр., Д 509. Текст этого списка представляет собой стилистический вариант Первой редакции и имеет другое заглавие: «Описание явлению преподобнаго Еуфимия и чудесем его въ Архангельском граде въ лѣто от мироздания 7155-го (1647) года. Пренесень и положень у церкви Происхождения честнаго и животворящаго креста Господня, якоже об немъ напоследок сего явлено будетъ».

Вторая редакция Сказания представлена тремя списками: ГИМ, Музейское собр., № 1510, первой половины XVIII в.; собр. Уварова, № 911, 4°, XVIII в.; БАН, собр. Дружинина, № 249, сер. XIX в. Текст озаглавлен: «Повесть собранная вкратце о обретении мошей преподобнаго Евфимия Архангелоградского, нового чудотворца, и о чудесах его».

Сказание представляет собой компиляцию текстов «расспросных речей», записанных вскоре после обретения мошей, в 1647—1648 гг.; эта компиляция дополнена рассказами о различных чудесах новоявленного святого, случавшихся вплоть до 1665 г. Характерной особенностью изложения является то, что переписаны не только тексты «свидетельских показаний» разных людей, но и содержащиеся в документах сведения о том, при каких обстоятельствах происходил опрос, кто присутствовал при этом и оставил свою подпись на обороте документа. Такая форма изложения сближает Сказание о Евфимии Архангелогородском с текстом Первой редакции Сказания о Иоанне и Логгине Яренских.¹⁷

Практическое назначение записей, являвшихся документальным основанием для канонизации, требовало точной фиксации всех обстоятельств и деталей происшедшего. Обилие в повествовании реальных деталей и обстоятельное описание действия приводит к воссозданию подлинной картины

¹⁵ При преемнике Ксенофонта, священнике Иване Исакове, в 1684 г. была построена третья деревянная церковь Успения вместо обветшавшей 18 октября 1742 г. на этом месте заложили каменную одноэтажную одноглавую церковь, строительство которой завершилось в 1753 г. Храм имел два придела, трапезную и колокольню над папертью в два яруса звона. Здание разобрано в XX в. (см. Краткое историческое описание С 49—55, Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского севера. Люди. События. Даты. Архангельск, 1992. С 197—198). Последние сведения о чудотворной храмовой иконе Успения относятся к концу XIX в. (см. Краткое историческое описание С 55).

¹⁶ Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники. Вып. 4 (РНБ) (в печати).

¹⁷ РНБ, Соловецкое собр., № 963/1073. XVII в., № 182/182, XVIII в. Текст исследован Л. А. Дмитриевым, см. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С 213—234.

жизни и быта строящегося города, картины, отражающей определенный исторический этап существования Архангельска.

Приведем здесь лишь фрагмент записи «расспросной речи» кузнеца Евстафия Трофимова, который и обнаружил гроб с негленными останками неизвестного человека: «155-го (1647) года мѣсяца иулиа въ 11 день во Архатгельскомъ градѣ въ съѣзжей избѣ боярину и воеводамъ, князю Юрию Петровичю Буйносову Ростовскому да Илии Космичю Безобразову, да диаку Калистрату Жехову въ роспросѣ сказать колмогорецъ посадской человекъ кузнецъ Евстафейко Трофимовъ. Былъ, де, онъ, Осташко, у боярина у князя Юрья Петровича Буйносова Ростовскаго на дворе и дело во 155-м (1647) году иулиа въ 7 день учал он на дворе — для кузнечнаго дела горнь ставити и стулу с накова<л>ни, ему где быти, учал копати яму. И взкопал ямы в глубину какъ с локотъ едины, и показался ему въ ямѣ гробъ. И он того гроба с конца окопал немного да и перестал копать, и выговорил невежливо, спрѣта: „Вставай, пособиай копать!“. И руку свою под доску во гроб совал немного, потому что рука боле не пошла, и во гробъ ничего не ощупал. И тут стул въ яму спустил и выговорил такожде невежливо: „То, — де, — тебѣ барыш. Пособиай копать!“. И взговоря то слово и прочь пошел от того места в поварню. И стал он, Осташко, быть вне ума и ослабѣл весь. И ис поварни вышел и пришел в чуланъ. И в чуланѣ его учало трясти болезнью при смерти издыхания, и руки у него отняло. И то увидели боярина князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского люди — казначей Иван Григорьев да Яковъ Максимовъ, токаръ, — и учили ему, Осташку, в той болезни спрашивать...».¹⁸

Рассказ исторически точен. В 1647 г. в Архангельске действительно воеводой был князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский, а в канцелярии воеводы — указанные в повествовании люди.¹⁹ Съезжая изба в то время находилась на месте, где прежде, до большого пожара 1636 г., стоял Архангельский монастырь. После этого пожара, уничтожившего и монастырь, все строения которого были деревянные, и образовавшийся рядом посад, Архангельский монастырь был устроен в отдалении от города. На старом же месте была поставлена деревянная церковь во имя Происхождения креста Господня. Неподалеку построили двор архангельского воеводы, так что двор находился на бывшей монастырской территории. Поэтому здесь и обнаружили 7 июля 1647 г. погребение человека, захороненного когда-то в монастыре. 9 июля 1647 г. гроб перенесли к церкви Происхождения креста Господня; над мощами была построена деревянная гробница. Об этом событии повествует «речь» самого воеводы Буйносова-Ростовского, записанная в том же 1647 г. «человеком его» Марком Булатовым.

Включенные в Сказание «расспросные речи» и записи о чудесах дают ценные сведения о социальном составе населения Архангельска того времени и исторической топографии города. В Сказании упоминаются торговые люди — «государевы гости», монастырские работники, промышленные морского зверя, служащие царской администрации, духовенство.²⁰

¹⁸ РНБ, собр. Погодина, № 810, л. 269 об. — 271 об.

¹⁹ Сведения соответствуют сообщениям Двинского летописца, см. Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 22. Юрий Петрович Буйносов-Ростовский — стольник, потом боярин, был воеводой на Двине с июня 1646 г. по 1648 г., см. Барсуков А. Списки городовых воевод. С. 65, 557.

²⁰ Любопытно, что одним из рассказчиков является «воскресенский поп вдовый Димитрий», по-видимому, тот самый, который стал свидетелем чудесного предотвращения пожара в Успенской церкви. Димитрий страдал болезнью ног. После того как он отстоял обедню в церкви Происхождения креста Господня и помолился у гроба Евфимия, одна нога его исцелилась. Рассказ Димитрия об этом был записан 20 июля 1648 г. В этом же году «расспросные речи» других людей подписали «воскресенский поп Июда Козмин» и «спасский дьякон Яков Козмин». Очевидно, что в Архангельске проживала целая династия церковнослужителей Козминых.

Факт тщательного собирания сведений о чудесах говорит о том, что обретение нетленных мощей стало важным событием в жизни города. Новоявленный чудотворец был признан за бывшего игумена Архангельского монастыря Евфимия, настоятельствовавшего в 1585—1589 гг.²¹ Из текста Сказания можно заключить, что в 1550 г. мощи были перенесены внутрь церкви Происхождения креста Господня. Видимо, тогда же было совершено освидетельствование мощей и канонизация.

В 1683 г. канонизация Евфимия Архангелогородского была отменена холмогорским архиепископом Афанасием.²² Официальное почитание культа преподобного Евфимия длилось всего 33 года. Погодинский список Сказания, точно, без какой-либо стилистической обработки передающий тексты «расспросных речей» и записей чудес, относится как раз к этому времени. И хотя было предпринято все возможное для того, чтобы память о святом изгладилась в народе,²³ Сказание о чудесах Евфимия Архангелогородского продолжало переписываться. Таким образом, документальный текст, содержание которого вызывало читательский интерес, приобрел новые функции, стал восприниматься как литературное произведение.

Итак, мы рассмотрели произведения, появившиеся в Архангельске в середине XVII в. Они близки по теме повествования и тяготеют к одному жанру древнерусской литературы — жанру агиографии, но отличаются друг от друга типом повествования и способом отражения действительности. Рассказы о чудесах от храмовой иконы Успенской церкви продолжают древнюю традицию, при этом в первом рассказе явно прослеживаются новые черты: автор предлагает читателю литературную интерпретацию событий, т. е. придает сюжетную основу своему повествованию. Это произведение характерно именно для XVII в., который является «веком постепенного перехода от древней литературы к новой, от средневековой культуры — к культуре нового времени».²⁴ Можно заметить поразительное сходство между этим рассказом и ярославскими стенными росписями XVII в.: то же появление новых элементов внутри старой структуры, тот же интерес к бытовой детали, обновленный изобразительный язык, большая независимость по отношению к традиции. Составитель Первой редакции Сказания о Евфимии Архангелогородском не заботился о литературной обработке текста и ограничился лишь буквальным переписыванием документальных источников. Однако, включая компиляцию документов в четий сборник, составитель сделал текст объектом читательского восприятия, а значит, и фактором литературного процесса. При очевидной разнице всем этим произведениям свойственна точность в передаче исторических и реальных обстоятельств и принципиальное отсутствие литературного вымысла

²¹ Н. Барсуков отождествляет этого Евфимия с основателем Николо-Корельского монастыря на Двине Евфимием Корельским (см. Барсуков Н. Источники русской агиографии СПб., 1882. Стб. 185—186). Однако Евфимий Корельский, умерший ок. 1435 г., был погребен не в Архангельском, а в Николо-Корельском монастыре (см. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи СПб., 1892. Т. 2. С. 228).

²² Подробнее об этом см. Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском.

²³ Церковь Происхождения креста Господня, до того принадлежавшая Архангельскому монастырю, была изъята из его ведения и приписана к городской церкви, а вскоре перестроена и наименована уже в честь Чуда архангела Михаила в Хонех. При этом место погребения Евфимия было скрыто. В дальнейшем деревянная церковь перестраивалась несколько раз, а в 1773 г. был возведен каменный Михаило-Архангельский собор. Местное предание рассказывает о том, что когда в 60-х гг. XIX в. в этом храме ремонтировали церковный помост, под левым приделом нашли гроб, не подверженный тлению, который и оставили в земле (см. Сибирцев И. К истории Михаило-Архангельской церкви в г. Архангельске Архангельск, 1896. С. 8). Здание собора до наших дней не сохранилось.

²⁴ Пихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе. С. 202.

в повествовании. Важно и то, что эти произведения явились откликом на необычные, ставшие знаменательными события в жизни молодого города. Эти события нашли отражение в письменных памятниках, поскольку именно так новый город обретал свои святыни, свой «исторический контекст». Складывалась и местная литературная традиция, имевшая общерусскую основу и в то же время отражавшая местные события и проблемы, отвечавшая потребностям растущей читательской среды.

Публикуем два рассказа о чудесах от иконы Успения Богородицы по рукописи НБ МГУ № 10536-7-71; 1°. Текст первого рассказа дан с лексическими и основными грамматическими разночтениями, приведенными по рукописи РНБ, собр. Титова, № 4192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л 368 ЛѢТА 7139 (1631) ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ УСПЕНИЯ, ЧУДОТВОРНЫЯ ЕЯ¹
ИКОНЫ, КАКО ИЗБАВИ ЦЕРКОВЬ СВОЮ ОТ ПОХИЩЕНИЯ ТАТЬСКОГО²
МЕСЯЦА³ ИЮНЯ В 27 ДЕНЬ

Близъ студенаго моря, рекомаго окіяна, окрестъ Архангелова града, на мѣстѣ, глаголемомъ Высокомъ Бору, с вечера настоящія нощи бѣ нѣкто, диволомъ наученъ, прииде покрасти храма Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения. Соглядаѣ же себѣ утлаго мѣста, ежебы влести внутрюду и злое свое исполнити желание, зайде же с лѣтнюю страну храма, ⁴обозрѣ⁵ же ся сюду и обоюду, мысляше в себѣ, да не узрил бы его инъ кто. И снем с себе порты,⁶ яже⁷ ношаше,⁸ и в срачицу,⁹ и обнажыся, но токмо ошашася на немъ рубища¹⁰ едины, имиже покровены¹¹ быша¹² странныя уды, и толяны¹³ по плесну его, слыгы от кожъ говяжьихъ, — прочая же близъ церкви¹⁴ положи под кустъ. И приступитъ, возлѣзе¹⁵ по углу церковному и по стѣнѣ святаго олтаря до окна олтарнаго и влѣзе в него даже до пояса.

И в томъ часе преславно¹⁶ чудо предстательствомъ Пресвятыя¹⁷ Богородицы, ибо долготерпѣливый¹⁸ и всецѣдрый¹⁹ Христосъ Богъ нашъ, не хотяи смерти грѣшному, но обратитися и живу быти ему, судий²⁰ праведно всѣмъ — не восхотѣ обнаженъ быти святаѣ трапезы своея, не попусти сего, ниже пограбити дому Матере своея Пречистыя. И да будетъ той²¹ во образъ и²² прочимъ²³ хищникомъ, яже суть восхищаютъ чюдоя.

А той злонравный не токмо желаемое получи, но и²⁴ наведе на ся богопоущенную казнъ, даже и плоти его прильпнутися низу окне²⁵ чреслы, сирѣчь пупомъ. И понуждашеся влѣсти внутрюду, и не дадеся. И заграбивъ злонравный он со святаѣ трапезы // покровъ, лѣзущы,²⁶ и порину вся²⁷ суцая под нимъ, святое евангеліе и честный крестъ, долѣ. ²⁸Хотяше и²⁹ вонъ излѣсти и не можаше, прилпъ бо бяше крѣпко плоть его в окнѣ; и обѣсився лежа³⁰ в немъ до заутри³¹: глава же его и руцѣ с плечыи внутрь олтаря, ногѣ же³² его — внѣду.

Бывшу же тогда иерею церкви тоя именемъ Ксенефонту. Заутра же воставъ, иерей и³³ по благовести³⁴ ко утреннему славословию пришедъ в церковь, по обычаю ³⁵предъ образомъ Божія Матере поклонися, и видѣ, яко тма бысть во олтарѣ. И ужасенъ бывъ, помышляше в себѣ, что «Блазнитъ ми ся тмою», глаголя: «Вчера не быхъ³⁶ заложитъ ставнемъ окна». Инако же помысли³⁷ ³⁸Или

¹сея ²татьяска ³Нет ⁴Доб и ⁵обозрев ⁶одежду ⁷юже ⁸ ⁹Нет ¹⁰порты ¹¹сокровены
¹²были ¹³толяны ¹⁴Нет ¹⁵возлѣзе ¹⁶преславное ¹⁷Доб ¹⁸Владычицы нашей ¹⁹Нет ²⁰суды
²¹то ²²Нет ²³другимъ ²⁴Нет ²⁵окна ²⁶Нет ²⁷Нет ²⁸И хотѣ же ²⁹лежаше ³⁰утри ³¹Нет
³²Нет ³³благовѣстїю ³⁴Доб и ³⁵бы ³⁶помышляше в себѣ, что ³⁷Доб ³⁸Блазнитъ ми ся

нѣкак³⁹ померкнуша ми очи». Пребысть же тако и помалу устрабися от страха, и хотяше видѣти истину. И вниде во святыи олтарь и обыде⁴⁰ окресть престола на десную страну, хотяше открыти окно, и ятсѣ за главу нага⁴¹ телесе человека,⁴² виснуша⁴³ в окнѣ. И ужасеся от таковаго видѣния наипаче⁴⁴ первого —⁴⁵ видеся тма во олтарѣ,⁴⁶ ⁴⁷ныне же⁴⁸ како мертваго⁴⁹ ⁵⁰тѣлеси влѣзшу в окно, — мысляще⁵¹ мертвому быти ту. И обращаеся, бежати хотя ⁵²вонь изъ церкве.⁵³

Человекъ же той, иже в окнѣ, в той часъ проглагола тихим⁵⁴ гласомъ: «Отче, не бойся, живъ человекъ⁵⁵ есмь и⁵⁶ грѣшенъ».⁵⁷ И моляше его, да изыятъ будет отпущу, и повинование⁵⁸ принося ему: «Отче, да сподоблен буду азъ от тебе прощения, яко научи мя дьяволъ на сие злое дѣло». И первее⁵⁹ сказа ему о себѣ: «⁶⁰Идушу ми по блату от⁶¹ градския стѣны⁶² для вениковъ, ежебы, уломавъ,⁶³ продать⁶⁴ их на потребу себѣ, ⁶⁵и бывшу ми противъ церкви сея,⁶⁶ ⁶⁷блудя⁶⁸ же⁶⁹ в мысли моей⁷⁰ ⁷¹о земныхъ. И се внезапно⁷² усрѣте мя яко человекъ чернѣ видениемъ, и рече ми: «⁷³Почто тебѣ, человеце,⁷⁴ бродити много?». Яко сказа ми: «Иди в ⁷⁵сию церковь,⁷⁶ и тамо приобрящеши // себѣ богатства». л 369 Азъ же с радостию приемъ тую⁷⁷ злую мысль и приидохъ, и се обрѣтохся здѣ». И прочая повѣда ему вся, яже выше писанна о немъ.⁷⁸ Иерей же покушашеся изыяти его и⁷⁹ не можаше,⁸⁰ ⁸¹отыде тощъ.

Во время же то⁸² на Двинѣ в Архангеловѣ градѣ бысть⁸³ воеводою князь Васиий Петровичъ Ахамашуковъ⁸⁴ Черкасской, ⁸⁵дьякъ Никифоръ Демидовъ. И⁸⁶ тогда священникъ той шед⁸⁷ ко князю и возвѣсти ему⁸⁸ вся, яже видѣ, рек⁸⁹: «Княже Василе, повели, да что сотворимъ о немъ». Князь же, слышша⁹⁰ сия, и дьякъ и⁹¹ дивившася⁹² о преславномъ томъ чудеси, и прославиша Бога и Пречистую его Матерь. И повелѣша пушкарю взяти⁹³ с собою⁹⁴ стрельца⁹⁵ и изыяти⁹⁶ того вышереченнаго татя⁹⁷ из окна. Поидоша же тии.⁹⁸ Тогда же⁹⁹ слышавше народи о чудеси Пресвятыя Богородицы, и отвсяду всего града грядуще¹⁰⁰ ¹⁰¹едины по единому,² мужие³ и жены, и множество народа собравшася видѣти то преславное⁴ чудо Божия Матере.⁵

Приидоша же посланнии от князя⁶ и повелѣша изыяти⁷ того из окна. Чело-вецы же нѣцыи от народа приступиша и подмостишася под окно, инии же на лѣствицахъ, и яша⁸ онаго человека за нозѣ, егоже⁹ хотяше¹⁰ извлечь вонь,¹¹ ¹²и не возмогоша.¹³ Человека же того егда влечаху, едва и внутренняя его не отторгашася¹⁴ тогда¹⁵ ¹⁶за прилѣпшую¹⁷ ¹⁸его плотъ.¹⁹ Оному же кричащу велегласно безпрестани, донелѣже²⁰ Божиимъ повелѣниемъ²¹ удержанъ бысть. И абие начаша тогда всенародное множество молити Пречистую²² Богородицу и молебная совершати. Милостивая же заступница²³ не презрѣ²⁴ моления рабъ своихъ,²⁵ ²⁶ослаби²⁶ оному ходатайствомъ своимъ — и²⁷ невидимою силою опростася человекъ²⁸ той, ²⁹рекомый татъ,³⁰ ³¹сам о себѣ³² изыде из окна.

Послании же от князя емише его, онъ же показа имъ кусть,³³ идѣже³⁴ ³⁵порты его положены суть,³⁶ иде и облечеся. Тии же ведоша его ко князю. Князь же³⁷ и дьякъ³⁸ ³⁹представити повелѣша,⁴⁰ ⁴¹и представиша⁴²

³⁹Нет ⁴⁰обыдоша ⁴¹—⁴²человека тѣлесе ⁴³висаща ⁴⁴паче ⁴⁵Доб первое ⁴⁶окнѣ ⁴⁷—⁴⁸и глагола ⁴⁹мертвому ⁵⁰Доб в ⁵¹мысляше ⁵²—⁵³из церкви вонь ⁵⁴тихо ⁵⁵—⁵⁶Нет ⁵⁷грѣшникъ ⁵⁸повинну ⁵⁹сперво ⁶⁰Доб И бывшу ми в церкви сея ⁶¹Нет ⁶²слободы ⁶³умомъ ⁶⁴продати ⁶⁵—⁶⁶Нет ⁶⁷Доб паче же ⁶⁸блудяхъ ⁶⁹Нет ⁷⁰своей ⁷¹Доб и ⁷²внезапу ⁷³—⁷⁴Человече почто тебѣ ⁷⁵—⁷⁶церковь сию ⁷⁷ту ⁷⁸семь ⁷⁹но ⁸⁰возмогоста ⁸¹Доб и ⁸²оно ⁸³сдѣль ⁸⁴Ахамашуковъ ⁸⁵Доб да ⁸⁶Нет ⁸⁷пришедъ ⁸⁸Доб рекъ ⁸⁹Нет ⁹⁰слышавъ ⁹¹Нет ⁹²удивившася ⁹³—⁹⁴Нет ⁹⁵стрельцовъ ⁹⁶Нет ⁹⁷Доб взяти ⁹⁸посланныи ⁹⁹Нет ¹⁰⁰11—¹⁰¹2 Нет ³мужи ⁴—⁵Божия Матере чудо ⁶—⁷Нет ⁸ястася ⁹его ¹⁰хотѣша ¹¹Доб из окна ¹²—¹³Нет ¹⁴отторгоша ¹⁵Нет доб но крѣпко бо ¹⁶—¹⁷припнушася ¹⁸—¹⁹плотъ его ²⁰доколѣ же ²¹изволениемъ ²²Пресвятую ²³предстательница ²⁴презри ²⁵Доб и ²⁶Нет ²⁷Нет ²⁸Нет ²⁹—³⁰Нет ³¹Доб и ³²Доб и ³³Нет ³⁴где ³⁵Доб одежда и ³⁶Доб и ³⁷—³⁸Нет ³⁹—⁴⁰повелѣ представи его ⁴¹ ⁴²Нет

пред ня.⁴³ Они⁴⁴ же вопросиша⁴⁵ его, ⁴⁶кто есть и откуда,⁴⁷ и⁴⁸ коея ради вины здѣ суть.⁴⁹ Отвещаѣ же той: «Имя ми⁵⁰ Ермола, родом ярославецъ, и⁵¹ по обѣщанию ходитъ к соловецким чудотворцам помолитися». Сказа же по ряду⁵² и прочая⁵³ вся⁵⁴ о себѣ,⁵⁵ яже здѣ⁵⁶ ⁵⁷выше писана⁵⁸ суть. И⁵⁹ по роспросе князь повелѣ⁶⁰ вести его, ⁶¹бити⁶² бичьми от съѣзжей избѣ⁶³ и до церкви тоя, идѣже лазитъ красти, и от церкви такоже⁶⁴ до съѣзжей избѣ.⁶⁵ ⁶⁶Се же дождѣ, лаки на первое возвратимся.⁶⁷
⁶⁸Слышавше⁶⁹ же⁷⁰ страннии людие о том⁷¹ преславном чудеси Пресвятыя Богородицы и дивившася. И воздаша хвалу Христу Богу, сотворшему преславная,⁷² молитвами и заступлением⁷³ ⁷⁴Пречистыя Богоматере молением⁷⁵ и насъ избави от такового похищения, ⁷⁶и помилуй насъ,⁷⁷ нынѣ и присно и во вѣки вѣком.⁷⁸ Аминь.

169 об

ЛѢТА 7171 (1663) АПРѢЛЯ ВЪ 17 ДЕНЬ ЧУДО ВТОРОЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,
КАКО СПАСЕ ЦЕРКОВЬ СВОЮ ОТ ОГНЕННОГО ВОЗГОРѢНІЯ

В пятокъ великий бысть чудо преславно в настоящем семъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения. По совершении часовъ с вечериею и по изшествии иерея и служащихъ с нимъ из церкви волею Божию нѣкоему времени минувшу загорѣся завѣса, яже пред святою трапезою у дверей царскихъ, или нѣкако за небрежение служащихъ. Завѣсе же зѣло сусѣ толста холста бывшей. Згорѣ же завѣса та вся пламенемъ зѣлнымъ. Быти же пламени тому долѣ под двери, згорѣ же и пелена у двери единая же от лѣвой страны, но токмо гвозди едины останася в ней. А от правой страны у другой двери пелена цѣла. И от того же пламени изгорѣша обе двери тыя нѣколько от нижайшаго конца и до верха по мѣстomъ никнимъ же и я 370глубоцемъ сущемъ, // якоже ныне зрится. Обхвати же огнь той и на заборѣ одесную дверей царскихъ, на нижайшемъ брусѣ забора выгорело же. Заступлениемъ же Пресвятыя Богородицы пламени тому самому о себѣ угасшу. И не сущу ту никомуже, но токмо той самый чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы и прочія иконы.

Бывшу же тогда иерею церкви тоя именемъ Димитрию, прилучи же ся ему позднее того полудни итти во святую церковь ту исповѣдати сына своего духовнаго, священнодиякона именемъ Тимофея, иже тогда бывый Архангелова града у церкви Иисусъ Христова Рождства, — воистину и той свидѣтельствуеъ о семъ. Приидоша же они по обычаю к церкви Пресвятыя Богородицы, отверзшимъ двери притвора церковнаго, и зинувшу въ двери дыму зѣльному. И ужасни бывше, мнѣвшимъ ту быти пламени огнену. Возрѣвше же видѣша, яко нѣсть пламене помощію Всесвятыя и Пречистыя Богородицы, завѣсе же и пелены згорѣвшимъ, и дверемъ такоже бывшимъ, якоже предрекохомъ, но токмо пепелу низу лежащу. Отверзающимъ имъ окна и двери во испущение дыма онаго, прииде же к нимъ в церковь пономарь тоя же церкви, именемъ Симеонъ, того жъ Архангельскаго града житель, и той вопроси ихъ: «Чесо ради сей дымъ бысть?». Они же повѣдаша ему все еже от начала сие преславное Божия Матере чудо. Слышавъ же сия той, и возрадовашася вкупѣ вси, и похвалиша Бога и Пречистую его Матерь, яко тому подобаеъ слава, всяка честь и поклонение со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

⁴³ся ⁴⁴Онъ ⁴⁵вопроси ⁴⁶⁻⁴⁷от коея страны ⁴⁸Нет ⁴⁹бысть ⁵⁰Доб есть ⁵¹Нет ⁵² ⁵³Нет ⁵⁴ ⁵⁵Нет ⁵⁶Нет, доб быша ⁵⁷⁻⁵⁸писана выше о немъ ⁵⁹Нет ⁶⁰приказаль ⁶¹Доб и ⁶²Доб его ⁶³избы ⁶⁴также; доб назать ⁶⁵избы ⁶⁶⁻⁶⁷Нет ⁶⁸Доб В то же время ⁶⁹слышавшии ⁷⁰и ⁷¹таковомъ. доб и ⁷²Доб таковая чюдеса от такового образа своя Пресвятыя Богоматере, еже ⁷³моженемъ ⁷⁴⁻⁷⁵Нет ⁷⁶⁻⁷⁷Нет ⁷⁸вѣковъ